

Гу Юй и правда жутко хотел спать, поэтому не стал особо пререкаться с Чи Нинъю и выложил всё как на духу.

Так называемое очарование нельзя было применить к людям.

На практике его эффект заключался лишь в том, что выбранная цель на какое-то время начинала испытывать тягу к хозяину крови.

Вот только какая именно это будет тяга — предсказать трудно.

Вообще, эта способность контролировалась, и в норме всё сводилось к обычной симпатии и стремлению держаться поближе.

Но Гу Юй не пользовался ею целую вечность. Разве что несколько лет назад страдал манией и применял её безостановочно. Тогда, живя в деревне, он целыми днями только и делал, что измывался над чужими курами, утками и гусями.

В те времена он слыл настоящей грозой деревни, и среди всех детей на всю округу лишь у него одного гуси никогда не отнимали покой.

Позже он забросил это дело, ведь тот период давно остался позади.

Теперь, вспоминая об этом, он понимал, каким же наивным дураком он был.

Ему вечно казалось, будто в его жилах скрывается великая сила древней крови, а заклинания — лишь способ её пробудить.

Он искренне верил, что настанет день и он станет владыкой ночи, повелителем всего мира.

До чего же нелепо.

Хорошо ещё, что все эти шедевры его периода бунтарства были надёжно спрятаны.

...

Прохладное раннее утро по дороге в школу, когда не было и намёка на солнце, — любимое время для кровопийц.

Сегодня всё шло своим чередом: когда он добрался до класса, Чи Нинъю уже сидела на своём месте.

Началась привычная утренняя самоподготовка. Гу Юй, которому не страшны были никакие экзаменационные листы по вечерам и никакие заботы по утрам, уже уткнулся лицом в парту.

Самая что ни на есть поза полного расслабления. Не будь Чи Нинъю в курсе его истинной сущности, она бы непременно потребовала сменить соседа по парте.

Хотя нет, она и сейчас безумно этого хотела.

Как вообще можно спать прямо во время занятий? Даже когда входил учитель, у него по-прежнему оставался сонливый вид.

И при этом он всё равно умудрялся занимать первое место в параллели!

Этого ей было не понять.

По правде говоря, за эту почти неделю соседства по парте.

Чи Нинъю казалось, что об обоюдной пользе в учёбе и речи не шло — скорее, она сама вот-вот покатится по наклонной.

Помилуйте, спать на уроке — это ведь такое невероятное блаженство.

Жаль только, ей самой было нельзя...

При этой мысли Чи Нинъю обиженно покосилась на Гу Юя.

Этот вампир спал сейчас самым сладким сном.

А ведь вчера вечером, ответив на её сообщение, он заявил, что ложится спать, хотя было всего-то девять с небольшим!

У Чи Нинъю имелись веские основания подозревать, что этот тип из тех, кто говорит, мол, спать пошёл, а сам тайком зубрит, и всё ради того, чтобы окружающие считали его гением!

План Чи Нинъю по наблюдению за демоном-летучей мышью официально запущен!

Время от времени её взгляд отрывался от учебника и падал на Гу Юя.

На утренней самоподготовке классный руководитель так и не появился, и Гу Юй проспал вплоть до самого звонка.

Точнее говоря, его разбудил Се Вэнь — этот парень примчался к нему едва ли не вприпрыжку, явно переполненный каким-то восторгом.

Сообразительный оборотень заявлял, что ему никогда не понять этих людей.

Первым уроком шла литература.

Гу Юй из последних сил цеплялся за остатки бодрости, пытаясь слушать учителя — именно на уроках словесности этот тип всегда выглядел наиболее увлечённым учеником.

Подперев рукой щёку, он остекленевшим взглядом уставился на доску.

Если бы его глаза время от времени не моргали, Чи Нинъю решила бы, что Гу Юй вырубился.

— Чи, к доске, — раздался голос преподавателя с возвышения.

— А? — Чи Нинъю очнулась.

Опрос по памяти?

— Не витай в облаках на уроке, будь внимательнее.

Она тут же подобралась и села ровно.

— Се, прочти-ка нам вот этот отрывок.

— Хорошо.

Гу Юй поднялся на ноги.

— О простодушный юноша с холщовой сумой, пришедший менять шёлк на полотно! Не за шёлком ты шёл — потолковать со мной шёл. Я проводила тебя до реки ЦИ, к холмам Дунъю. Не я затянула срок — у тебя свахи толковой не нашлось. Не гневайся на меня, пусть сроком будет осень...

Читая стихи вслух, он попутно размышлял: с чего это Чи Нинъю пялится на него? Он заметил это ещё давным-давно, просто безумно хотел спать и возиться с ней не было никаких сил.

Ничего толкового не придумав, он продолжил своё мучительное обучение.

Такое положение дел продолжалось до самой перемены. Гу Юй рассчитывал использовать эти драгоценные десять минут, чтобы дать мозгу отдохнуть, но взгляды, исходившие от соседки по парте, были до того жгучими, что вынести это не представлялось возможным.

— Послушайте, ученица Чи.

— Чего тебе?

— Скажи на милость, какого чёрта ты на меня уставилась?

— Твоя фраза звучит прямо-таки чумово, — не осталась в долгу Чи Нинъю.

— ???

— Какого чёрта, — повторила Чи Нинъю.

Она прямо-таки веяло атмосферой старых тайваньских сериалов, ну разве нет?

Неужели эта летучая мышь вчера допоздна залипала в дорамы, да ещё и на старорежимное «мыло»?

— ...Проехали.

Гу Юй признал, что извилины сегодняшней хаски работали из рук вон странно. В конце концов, будучи нормальным кровопийцей, который столько лет скрывался среди людей без единого прокола.

Он не собирался опускаться до уровня хаски.

Прежде чем уткнуться лбом в парту, он бросил на Чи Нинъю взгляд.

Бедная девчонка, подумалось ему, совсем ещё молодая, а в голове уже пусто.

— О! Я поняла! — вдруг громко выпалила Чи Нинъю.

Сидевшие впереди ученики тут же обернулись.

— Чего ты орёшь без повода? — простонал Гу Юй.

Он всего-то хотел поспать, неужели это так трудно?

Чи Нинъю сначала окинула взглядом окрестности, а затем таинственным шепотом произвела:

— У тебя что, есть какое-то особое волшебство, благодаря которому ты держишься в отличниках? Или, может, ты списываешь с помощью магии?

Чем больше она думала об этом, тем более правдоподобным казалось объяснение. Иначе как человек — по крайней мере, внешне выглядящий как человек — мог целыми днями валять дурака на уроках и при этом стабильно забирать первое место?

Но после вчерашнего вечера всё встало на свои места: она додумалась, она прозрела!

Тут явно замешана магия!

Гу Юй потёр виски — голова разболелась.

За что ему выпала такая соседка по парте?

— ...Это вообще-то противозаконно.

— ...А? — Чи Нинъю склонила голову набок.

Что он имеет в виду?

— Какое нынче на дворе время? Время гармоничного общества, мы должны чтить закон, усекла? Нельзя питать такие опасные мысли.

Гу Юй принялся усовещивать её с видом проповедника.

Если уж сегодня её угораздило задать такой вопрос, он боялся даже представить, что она учудит дальше.

Услышав это, Чи Нинъю опешила.

С какой стати её вдруг начали отчитывать?

— погоди, я же не списывала, да и... стоп!

— Разве мы не о тебе говорили?

— Поэтому я и сказал, что это незаконно. Как порядочный кровопийца, соблюдающий законы, стал бы я заниматься жульничеством?

Хотя сама идея казалась чертовски рабочей, он всё же был истинным кровопийцей новой эпохи, воспитанным под красным стягом и овеванным весенним ветерком.

Списывать?

Разве с его интеллектом требовалось прибегать к подобным вещам?

Чи Нинъю потеряла дар речи.

Так как же, чёрт побери, эта кровососущая летучая мышь умудрялась удерживать высшие баллы?

Если всё списывать на природный дар, она ни за что в это не поверит — где это видано, чтобы одарённость принимала столь безумные формы?

Между прочим, до перехода в эту школу она всегда была первой, но когда завершился первый крупный экзамен...

Её имя оказалось на второй строчке, в то время как первое было захвачено каким-то незнакомцем.

Теперь же, когда выяснилось, что этот «первый» — сущее воплощение вампира, её обуяла сильнейшая злость!

Однако поделаться с этим ничего не получалось, поскольку Гу Юй уже благополучно уснул.

...

Отучившись положенные утренние часы, ближе к одиннадцати часам Хуачэн утонул в лучах яркого солнца.

Это звучало красиво лишь на словах, а на деле...

Юноша старшеклассник, изнемогая от духоты, оттягивал воротник рубашки, капли пота стекали по его подбородку, а от пронзительного стрекота цикад в летний зной делалось только тоскливее.

Повсюду пестрели голые белые ноги, лёгкий ветерок шевелил подола платьев проходящих мимо людей.

А взглянув на Чи Нинъю, можно было заметить лишь небольшую полоску открытых щиколоток — и кто её знает, жарко ей вообще или нет.

Говорили, что псовые способны охлаждаться, высунув язык, но эта оборотень явно не собиралась прибегать к столь радикальным методам.

Свободной рукой она откинула волосы за ухо, и на её лице нельзя было разглядеть ни единой капельки пота.

Гу Юй мысленно позавидовал ей и прибавил шаг.

Жара стояла невыносимая.

<http://bllate.org/book/21948/2280504>